

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
(Научный семинар «История советской эпохи»)

**Резюме докладов, прочитанных на
Всероссийской научной конференции с международным участием
«XX съезд КПСС: предпосылки и последствия»
3 марта 2021 г.**

*Асташкин Дмитрий Юрьевич (старший научный сотрудник СПбИИ РАН, к.и.н.,
Великий Новгород)*

Реакция советской провинции на XX съезд (по материалам ГАНИНО)

Реакции провинции на доклад Н.С. Хрущева о культе личности было посвящено достаточно много научных работ. При анализе реакции населения Новгородской области на доклад нужно учитывать социально-исторический контекст в регионе. В 1950-е годы для Новгородской области была характерна разруха и бедность. Восстановление экономики после Великой Отечественной войны шло крайне медленно. Область не обеспечивала себя хлебом. Население направляло жалобы властям на бедность, бескультурье, неэффективное управление в колхозах и другие социально-экономические проблемы региона. При этом население региона можно описать как крайне «послушное»: например, в ходе кампании по посадке кукурузы область с готовностью выполняла распоряжение центральных властей, несмотря на катастрофические последствия.

Перед XX съездом КПСС в Новгороде традиционно прошли собрания трудящихся, были приняты повышенные социалистические обязательства, что входило в обязательный ритуал подобных мероприятий. На собраниях трудовых коллективов звучали призывы установить 7-часовой рабочий день, говорили о проблемах с сырьем в области. Иногда трудящиеся интересовались, почему в 1940 году в Новгороде было лучше с продуктами, чем в 1956 году. Собрания, кроме всего прочего, имели «социологическую» функцию – власти получали информацию о нуждах трудящихся, о настроениях в обществе. После завершения XX съезда КПСС в регион не было направлено конкретных инструкций о том, как проводить ознакомление с докладом Н.С. Хрущева, в результате чего партийные организации фактически занимались импровизацией. Примечательно, что свойственные для сталинского времени ритуалы и обычаи сохранялись и после смерти вождя, разоблачение И.В. Сталина происходило по схеме, схожей с разоблачением Л.П. Берии. Прения по итогам доклада Н.С. Хрущева не допускались. Вопросы, которые были заданы трудящимися после доклада, касались биографии И.В. Сталина, его семьи, судьбы С. Орджоникидзе и Г.К. Жукова. Трудящиеся спрашивали, был ли Сталин сумасшедшим, вредителем; почему так поздно разоблачили Л.П. Берия и т.д. Часто возникали вопросы по политическим репрессиям и высланным народам, внешнюю политику (главным образом интересовались отношениями СССР с Югославией). Иногда звучала критика в адрес Н.С. Хрущева – спрашивали о причинах его молчания во время жизни Сталина. Помимо всего прочего, в ходе собраний был поставлен вопрос о восстановлении памятника В.И. Ленину в Новгороде, что в итоге было реализовано. Несмотря на то, что в целом значительная часть новгородцев проявляла недоверие к властям, низкий уровень жизни не ассоциировался с правлением Сталина. Некоторые граждане даже сомневались в целесообразности развенчания культа личности – например, правоохранительными органами были задержаны новгородские школьники, которые распространяли листовки в поддержку Сталина.

В целом жители Новгородской области отнеслись положительно к докладу Н.С. Хрущева. Новгородцев в ходе обсуждения решений съезда прежде всего интересовали

вопросы общесоюзного значения, а об экономике и о повседневной жизни региона трудящиеся практически не спрашивали. Однако, итогом XX съезда стал рост недоверия новгородцев к власти, вследствие чего руководством были предприняты попытки регламентировать процесс развенчания культа личности.

Бранденбергер Дэвид (профессор, Университет Ричмонда, США)

Изменения в трактовке понятия о «Советском патриотизме» в годы «оттепели», 1944-1962 гг.

Хотя патриотизм не был упомянут в «Кратком курсе истории ВКП(б)», эта идея активно внедрялась в массы в годы правления И.В. Сталина. Сталинская концепция «советского патриотизма» была основана на идеологии «построения социализма в отдельно взятой стране» с оттенками руссоцентризма и ксенофобии и отсылками к дореволюционному прошлому русского народа. Такая трактовка играла большую роль в мобилизации советского населения в годы Великой Отечественной войны, и в 1945 г. О.В. Куусинен утверждал, что она остается актуальной и в послевоенное время. Впоследствии, данная трактовка играла большую роль в кампании по борьбе с космополитизмом — никто иной как А.А. Жданов критиковал советскую интеллигенцию за отсутствие патриотизма и за низкопоклонство перед Западом. После смерти Сталина в этой политике произошел откат и отход от руссоцентризма и ксенофобии; количество отсылок к дореволюционному прошлому также значительно уменьшилось. В период с 1953 г. до середины 1950-х гг. была выдвинута идея о патриотизме многонационального советского народа, то есть понятие патриотизма стало трактоваться как явление многонациональное и интернационалистическое. Эта линия была подтверждена в 1959 г. на XXI съезде партии и зафиксирована в третьей программе КПСС, принятой в 1961 году. В этой трактовке советского патриотизма отсутствуют ксенофобия, отсылки к дореволюционному прошлому и руссоцентризм, а идеологически на первый план выводится интернационализм.

Джалилов Теймур Агабаевич (начальник Отдела подготовки к публикации архивных документов РГАНИ, к.и.н., Москва)

От оттепели к Пражской весне: влияние XX съезда на общественно-политические процессы в Чехословакии

После XX съезда КПСС десталинизация постепенно распространилась на весь соцлагерь. В странах народной демократии было два возможных сценария её развития - по модели Венгрии или по модели Чехословакии. В Венгрии десталинизация происходила относительно быстрыми темпами, а в Чехословакии, наоборот, медленными. Как известно, лидер Чехословакии К. Готвальд умер, простудившись на похоронах Сталина, и его сменил А. Запотоцкий. Каких-либо решительных мер по десталинизации не предпринималось: до 1962 года в Праге даже сохранялся памятник Сталину. В целом высшие руководители Чехословакии в предшествующие годы масштабных политических репрессий не проводили. Свообразным курьезом стало то, что ответственность за репрессии была в первую очередь возложена на того, кто в них пострадал – Рудольфа Сланского, который получил прозвище «чехословацкий Берия». В составе МВД Чехословакии после разоблачения Н.С. Хрущевым культа личности была сформирована комиссия по репрессиям. Эта комиссия рассмотрела 7 тысяч дел, однако в итоге было пересмотрено только 50 обвинительных приговоров. В 1960 году была проведена

амнистия, которая носила ограниченный характер, при этом реабилитацией она не сопровождалась. Второй виток десталинизации начался в 1962 году после XII съезда КПЧ. Тогда была создана вторая комиссия по реабилитации, в состав которой вошел А. Дубчек. Деятельность этой комиссии также принесла весьма скромные результаты – было пересмотрено лишь 64 приговора. Важной особенностью процессов, происходивших в Чехословакии, было то, что в Словакии вопрос о репрессиях стоял более остро, чем в Чехии. Был репрессирован лидер национального восстания в Словакии Густав Гусак, который после освобождения долгое время вел борьбу за свою политическую реабилитацию. В результате уже третья комиссия по репрессиям признала, что дело о словацких буржуазных националистах, фигурантом которого он являлся, было полностью сфальсифицировано. Интересно, что будущий лидер «Пражской весны» А. Дубчек был против реабилитации Г. Гусака, рассматривая его в качестве главной угрозы политической стабильности в Чехословакии. В итоге чехословацкая реабилитация была половинчатой несмотря на то, что запрос на нее в обществе и в политической элите был достаточно велик. В целом как политические, так и экономические реформы в Чехословакии шли крайне медленно и были половинчатыми. Десталинизация в стране фактически была отложена на десятилетия, результатом чего стали события 1968 года.

Нагорная Оксана Сергеевна (профессор Ярославского государственного педагогического университета, научный руководитель магистерской программы «Образовательные аспекты публичной истории», д.и.н., Ярославль)

1956 год в транснациональных пространствах социалистического лагеря: индивидуальные и институциональные рецепции

В докладе рассматривается реакция на десталинизацию граждан социалистических стран Восточной Европы, которые пересекали границы Советского Союза и становились проводниками культурной дипломатии того времени. В литературе часто доминирует представление о радикальном разрыве внешнеполитических репрезентаций СССР хрущевской эпохи со сталинской политикой, однако сейчас такая точка зрения уточняется. Фактически та политика по завоеванию симпатий зарубежных аудиторий, которую проводил Н.С. Хрущев, была начата еще в период позднего сталинизма. В СССР на момент проведения XX съезда КПСС находились студенты из ГДР, часть из которых завершала свое обучение в советских вузах как раз в 1956 году. Источниками информации об их настроениях могут служить отчеты студенческого отдела посольства ГДР в Москве. Учеба студентов из ГДР была организована в Советском Союзе с идеологическими целями для формирования лояльных системе социализма профессиональных кадров. Однако XX съезд, наложившийся позже на трагические события в Венгрии, вызвал бурные дебаты внутри студенческих землячеств из разных стран. После XX съезда риторическая формула «культ личности» стала использоваться и как удобное объяснение всех существующих в соцлагере недостатков, и как рамки критики и выражения недовольства. К примеру, под лозунгами десталинизации немецкие студенты предлагали пересмотреть границы между ГДР и Польшей, в результате чего возникли определенные проблемы с польским землячеством. Компенсируя возникшее недоверие к партийным органам, студенты из ГДР обратились к концептуальному наследию В. Ленина, к прослушиванию «вражеских радиостанций», некоторые из них даже вышли из партии в знак протеста против вооруженного вторжения в Венгрию. Примечательно, что, анализируя события 1956 г. в исторической ретроспективе, бывшие студенты обозначают речь Хрущева была названа ударом по глобальному левому движению, от которого оно не смогло оправиться.

Пермяков Игорь Альбертович (директор РГАНИ, к.и.н., Москва)

XX съезд в документах Российского государственного архива новейшей истории

И.А. Пермяков - директор Российского государственного архива новейшей истории, в фондах которого хранятся обширный комплекс документов, отражающих историю подготовки, проведения XX съезда ЦК КПСС и его последствий. Большое значение имеют материалы архива, связанные с мероприятиями по реабилитации незаконно репрессированных советских граждан начиная с 1944 года, а именно обращения министерств и ведомств, аналитические справки по реабилитации. Стоит обратить внимание исследователей на стенограмму заседания пленума ЦК КПСС от 13 февраля 1956 года. Пленум заседал накануне XX съезда и единогласно утвердил основным докладчиком по теме «О культе личности и его последствиях» Н.С. Хрущева. В РГАНИ на хранении находятся так называемые «малинские записи» - ведшиеся заведующим общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным на заседаниях Президиума ЦК и отражающие настроения высшего политического руководства в этот период, а также выступления на XX съезде Игоря Васильевича Курчатова и Алексея Владимировича Снегова. Старый большевик А.В. Снегов был репрессирован и провел в ГУЛАГе 15 лет. Читатели архива могут ознакомиться с перепиской Снегова и Хрущева, в которой Снегов согласует текст своего выступления с генеральным секретарем после того, как Н.С. Хрущев пригласил его на XX съезд КПСС. Еще одним документом, доступным в архиве новейшей истории, является различные проект доклада о культе личности Сталина подготовленные аппаратом ЦК КПСС. При сравнении проекта доклада с тем текстом, который в итоге был озвучен на съезде, можно заметить значительные изменения, внесенные лично Н.С. Хрущевым. Также исследователи могут ознакомиться в РГАНИ с документами, в которых анализируется доклад о культе личности, рассматриваются способы донесения информации о нем до низовых партийных организаций. Кроме того, в фондах РГАНИ представлены материалы о международной реакции на доклад Н.С. Хрущева; среди них хотелось бы отметить стенограмму беседы Л.И. Брежнева с Яношем Кадаром о дальнейшей стратегии правящих коммунистических партий социалистических стран после XX съезда КПСС. Со всеми вышеперечисленными документами можно познакомиться в читальном зале Российского государственного архива новейшей истории, также архив планирует организовать электронную выставку наиболее значимых документов.

Пивоваров Никита Юрьевич (главный специалист Российского государственного архива новейшей истории, к.и.н., Москва)

Обычай и обряды XX съезда: как готовили и проводили главное партийное мероприятие 1956 г.

Выступление Н.Ю. Пивоварова было посвящено репрезентации власти – ритуалам, нормам и обычаям, которые были характерны для XX съезда КПСС. Как известно, съезды КПСС регулировались партийным правом (уставом) и партийной традицией; в момент проведения XX съезда КПСС действовал Устав 1952 года. Съезд партии был верховным органом партии, собирался не менее одного раза в четыре года и выполнял четыре главных функции: внесение изменений в устав и в программу партии, заслушивание и принятие отчетов ЦК и ЦРК, избрание центральных органов ЦК и ЦРК, а также определение тактической линии партии. Партийные традиции регулировали, как правило,

церемониальные вопросы: как проводить съезд, каким образом украшать улицы Москвы и т.д. Например, в своей записке Н.С. Хрущев предложил провести XX съезд с декабря по март, поскольку традиционно партийные съезды проводились в эти сроки. Вместе с тем, XX съезд КПСС обладал отличительными особенностями по сравнению с XIX съездом. В 1956 году был сохранен прежний ценз для его участников: 1 делегат с решающим голосом направлялся от 5 тысяч человек. Однако в связи с тем, что к этому моменту численность партии значительно увеличилась, у организаторов съезда возникли сложности с рассадкой большого количества участников и гостей.

Зал заседания на XX съезде делился на три неравные части: в Президиум помещалось 120 человек, в партер вместе с приставными стульями - 1450 человек и на балкон - 915 человек. Балкон, согласно партийным традициям, предназначался для гостей, журналистов и для тех сотрудников партийного аппарата, кого не переизберут в руководящие органы на текущем заседании. Однако на XX съезде КПСС тех руководителей, которые потеряли свои посты, на балкон уже не посадили, поскольку против этого выступил М.А. Суслов. В результате бывшие члены ЦК КПСС сидели вместе с остальными участниками XX съезда в партере.

Для того чтобы разместить всех участников XX съезда, было уменьшено количество гостей с советской стороны. Традиционно, на съезде присутствовали представители дружественных зарубежных коммунистических партий. Однако 22 компартии – малочисленные либо недружественные КПСС – например, из таких стран, как Никарагуа и Новая Зеландия, приглашений не получили. В связи с тем, что Н.С. Хрущев особое значение придавал восстановлению отношений с И.Б. Тито, на XX съезд была приглашена коммунистическая партия Югославии. Изначальная рассадка была следующей: после избрания мандатной комиссии и руководящих органов съезда, эти делегаты пересаживались в президиум. Их место занимали представители зарубежных компартий, которые находились во власти в своих странах. Те компартии зарубежных стран, которые во власти не находились, располагались на балконе. Однако делегации французской и итальянской компартий изначально располагались в партере – для них было сделано исключение. Рассадка коммунистических партий, которые находились на нелегальном положении, была связана с конспирацией, чтобы они не подвергались репрессиям в своих странах. Инновацией XX съезда КПСС было то, что гостевые билеты на съезд были выданы репрессированным членам партии. В начале планировалось пригласить на съезд 12 человек из числа репрессированных, однако в итоге приглашения получили лишь 5 из них. Вместо остальных 7 репрессированных партийцев были приглашены старые большевики Г.И. Петровский, Е.Д. Стасова и некоторые другие. Интерес представляет и то, как осуществлялось знакомство населения с материалами XX съезда – часть этих материалов заранее печаталась в газетах. Для делегатов с решающим голосом на съезде раздавались информационные брошюры. Интересный казус произошел с делегацией компартии Югославии, представители которой также попросили выдать им брошюры, которые им не предназначались. Другой знаковый церемониальный момент XX съезда – это дизайн мандатов, с помощью которых осуществлялось голосование. На XIX съезде на мандатах были изображены Ленин и Сталин, однако на XX съезде КПСС изображений вождей уже не было. Другая часть церемониала включала в себя обращение пионеров к XX съезду – в нем был упомянут Ленин, имя Сталина уже не упоминалось, значительная часть обращения была посвящена критике бюрократов в партии. Все вышеупомянутые обряды и церемонии отражали грядущие перемены, которые власть планировала анонсировать на XX съезде. Что касается текста доклада о культе личности, то конкретные формулировки, озвученные Н.С. Хрущевым, стали неожиданностью для большинства делегатов. Однако сам факт, что генеральный секретарь будет выступать с докладом о культе личности, неожиданностью для них не был.

Попов Алексей Алексеевич (доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, к.и.н., Челябинск)

СССР и страны СЭВ: влияние событий 1956 года на трансформацию мотивов сотрудничества

Для Совета экономической взаимопомощи при Сталине была характерна относительно низкая активность, поскольку все ключевые вопросы решались централизованно из Москвы. Однако с 1954 г. произошла определенная активизация, а в 1956 г. – прорыв в его работе. В этот период страны СЭВ начали высказывать взаимные претензии по невыполнению поставок. Их обеспокоенность вызывало то, что из-за нехватки сырья планы индустриализации были под угрозой. Н.С. Хрущев предложил внедрить новые формы взаимодействия в рамках СЭВ, в результате чего страны получили ограниченную автономию во внутренней и внешней политике, но одновременно с этим вскрылись некоторые противоречия между ними. Основные проблемы в работе СЭВ были связаны с дефицитом сырья и торговым дисбалансом, когда вся торговля между странами-членами была завязана на СССР. Другая проблема заключалась в том, что страны народной демократии предпочитали продавать свою продукцию за твердую валюту в капиталистические страны, а не торговать между собой. Сказывался и ограниченный доступ соцстран к западным технологиям – СЭВ нужно было преодолевать технологическую отсталость. Помимо этого, в тот период многие страны народной демократии находились в состоянии кризиса, происходили шахтерские выступления в Польше и в СССР. Между тем, большую роль в СЭВ играли отраслевые лоббисты, которые могли выводить свои проекты на международный уровень. Суть изменений, предложенных Н.С. Хрущевым, заключалась в том, что СССР брал на себя роль перераспределяющего центра в СЭВ. Таким образом, после смерти Сталина и XX съезда КПСС восточноевропейские страны получили возможность отстаивать свои национальные интересы в рамках СЭВ. При этом были заложены четкие пределы экономической интеграции стран социалистического лагеря, которые СЭВ в своей дальнейшей деятельности не смог преодолеть. Поскольку западноевропейская интеграция критиковалась в СССР за наличие наднациональных органов, то СЭВ не позиционировался как наднациональная организация. В результате в рамках СЭВ международный Госплан или другие наднациональные институты создать было невозможно.

Попов Алексей Дмитриевич (доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, аффилированный научный сотрудник Челябинского государственного университета, к.и.н., Симферополь)

«Крымские встречи» Н.С. Хрущёва: забытая страница советской «курортной дипломатии»

Основоположником так называемой «курортной дипломатии» в Советском Союзе можно считать Н.С. Хрущева, который во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. первым из советских лидеров ввел эту политическую практику. Затем её продолжил Л.И. Брежнев, при котором «крымские встречи» с лидерами стран социализма стали постоянными и само это понятие прочно вошло в лексикон средств массовой информации. Для обеспечения ежегодной приморской рекреации первых лиц СССР, их окружения и зарубежных гостей на Южном берегу Крыма была создана развитая сеть государственных номерных дач (в открытых источниках их называли «резиденциями»). Часто для их размещения использовались дворцы дореволюционной российской знати, но

госдача №1 в Нижней Ореанде, предназначенная для отдыха главы государства, была построена в середине 1950-х гг. именно для Хрущева и впоследствии использовалась в этом качестве до 1988 г. Ежегодно, обычно в период с июля по сентябрь, для отдыха в Крыму приглашались лидеры стран народной демократии, отдельных стран третьего мира, а также руководители зарубежных коммунистических и рабочих партий. Во время пребывания на отдыхе регулярно организовывались их неформальные встречи с представителями высшего государственно-партийного руководства СССР, в которых по приглашению Н.С. Хрущева могли также участвовать региональные руководители, советские космонавты, ученые, редактора важнейших советских средств массовой информации, деятели искусств и т.д.

Первой в этом ряду стала крымская встреча Н.С. Хрущева и лидера Югославии И.Б. Тито, состоявшейся в 1956 г. В дальнейшем крымскими гостями Хрущева являлись Владислав Гомулка, Янош Кадар, Вальтер Ульбрихт, Юмжагийн Цеденбал, Хо Ши Мин, Луис Корвалан, Морис Торез, Пальмиро Тольятти и другие зарубежные деятели, большинство из которых отдыхали в Крыму вместе со своими семьями. Помимо гостевых встреч с небольшим количеством приглашенных регулярно проводились обеды и ужины open air с одновременным участием около 50 чел., которые обычно проходили на госдаче № 3 («Малая Сосновка») в Верхней Массандре. Основными источниками информации о «курортной дипломатии» Н.С. Хрущева являются официальные сообщения в советской прессе, опубликованные и неопубликованные источники мемуарного характера (например, воспоминания Алексея Аджубея, дневники Екатерины Ворошиловой). В архивных фондах сохранились также записи застольных речей и тостов советского лидера, а также других участников данных мероприятий, содержащие их характеристики актуальных вопросов международных отношений и различных процессов в Советском Союзе. Эти источники позволяют более глубоко понять особенности мировоззрения и стиля поведения Н.С. Хрущева, а также его ближайшего окружения, характер отношений в социалистическом блоке и международном коммунистическом движении. Советская «курортная дипломатия» постсталинского периода, осуществлявшаяся на базе госдач Крыма и Черноморского побережья Кавказа в 1950–1980-е гг., должна в будущем стать предметом более глубокого и сфокусированного исторического исследования.

Русина Юлия Анатольевна (доцент кафедры истории России Департамента «Исторический факультет» УрФУ, к.и.н., Екатеринбург)

На волне XX съезда КПСС: резонансные дела уральских студентов (1956-1957 гг.)

Резонансные «дела» студентов и преподавателей уральских вузов 1950-х годов отразили перемены в духовной и нравственной атмосфере общества, вызванные докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Инако- и разномыслие в вузовской среде находило выражение в следующих практиках: организация политических и творческих кружков, выпуск самостоятельных литературных и социально-политических журналов, критические выступления на общих комсомольских и партийных собраниях и т. д. Молодежь, потрясенная разоблачениями, прозвучавшими на съезде и венгерской революцией 1956 г., обращается к анализу теории и практики социализма, пропагандистской деятельности. В 1957 г. была арестована группа студентов-журналистов (Г. Федосеев, К. Белокуров, А. Нечаев, Ю. Хлусов), обучающихся в УрГУ. Наиболее радикально был настроен Григорий Федосеев, автор программного документа «Союза экономического равенства», письма к Н. С. Хрущеву и сторонник политического террора. К делу «группы Федосеева», осужденной по 58 ст. за «антисоветскую агитацию и пропаганду», был приобщен самиздат: студенческие журналы «Всходы» и «В поисках». Оба журнала вышли в 1956 г.

В первом и единственном номере «Всходов» кроме поэтических опытов студентов была помещена статья Г. Федосеева «Поэзия настоящего», содержащая критику политики партии в области литературы и искусства. Самодеятельный журнал «В поисках» вызвал широкое обсуждение в университете благодаря своему общественно-публицистическому акценту. В его передовой статье (одним из авторов которой был Ю. Хлусов), критиковалась система преподавания в университете, отмечалось отсутствие обсуждений и дискуссий, выдвигалась идея обмена мнениями на страницах студенческого самиздата. В связи с изданием журнала «В поисках» пострадал старший преподаватель кафедры русской литературы, фронтовик Александр Куканов (он был уволен из университета), единственный из членов партийного бюро университета, вступившийся за самиздатчиков,

Инакомыслие проявлялось не только в форме издания журналов и организации подпольных групп, особой смелости требовало публичное выступление на общем комсомольском или партийном собрании. Два подобных факта имели место в конце 1956 г. в крупнейших уральских вузах – УрГУ и Уральском политехническом институте им. С. М. Кирова (УПИ). Студенты критиковали излишний контроль партии над комсомолом, отсутствие политических дискуссий; высказывались мнения, что Конституция СССР «существует только на бумаге», а в организации политических репрессий 1930-х годов участвовал и сам Н. С. Хрущев. В итоге эти студенты были отчислены из вузов и призваны в ряды вооруженных сил. Власти, как правило, называли всю вышеупомянутую деятельность «студенческими волнениями» и «политическим хулиганством».

Фокин Александр Александрович (доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета, к.и.н., Тюмень)

XX съезд: коммунизм между Сталиным и Хрущевым

Консервативность доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС можно связать с тем, что в значительной степени существовала преемственность хрущевской и сталинской политики. Для Н.С. Хрущева сталинское наследие не было токсичным: по сути, он «доводил до ума» идеи своего предшественника и продолжал работу, начатую при И.В. Сталине. Одной из задач, актуальных как для правления Сталина, так и Хрущева, была разработка новой программы партии. Сначала для этой цели в 1937 году И.В. Сталин создал две конкурирующие подкомиссии: одну из них возглавили Митин и Юдин, а другую Мануильский. В итоге в 1947-48 гг. действовало уже четыре подкомиссии, которые были в дальнейшем объединены для выработки совместного решения. Партийная программа разрабатывалась в ходе дискуссий, во время которых представители разных подкомиссий критиковали друг друга и спорили между собой – такова была традиционная для тех лет процедура принятия основополагающих партийных документов. В итоге несколько подкомиссий были объединены в одну под руководством А.А. Жданова. Различие в подходах между Сталиным и Хрущевым по этому вопросу заключалось в том, что при Сталине существовало несколько конкурирующих подкомиссий, а при Хрущеве – единый «мозговой центр».

Хлевнюк Олег Витальевич (профессор НИУ ВШЭ, д.и.н., Москва)

После Сталина. Предпосылки и варианты десталинизации

XX съезд КПСС фактически подводил итоги развития СССР в первой половине 1950-х годов. Это был один из важных этапов развития страны. С одной стороны, в последние годы жизни Сталина в полном виде проявились противоречия сталинской системы, т.е. сформировались непосредственные предпосылки ее демонтажа или изменений. С другой – после смерти Сталина определялись основные направления и способы советского преодоления диктатуры и ее социально-экономических институтов. Таким образом, проблематику XX съезда можно сформулировать следующим образом: первое – как осознавалась после смерти Сталина система, созданная под его руководством; второе – каким виделось несталинское развитие, трансформация советской модели из чрезвычайно авторитарной в регулярно авторитарную.

Оба этих вопроса – историографическое явление, тесно связанное с открытием архивов. Конечно, в общем виде историки вполне осознавали, что быстрые перемены, последовавшие после смерти Сталина, не могли происходить на пустом месте и были как-то подготовлены при его жизни. Однако только после открытия архивов эти общие предположения стали приобретать видимые, хотя все еще размытые черты.

Архивы позволили узнать, что накануне смерти Сталина система, восстановившаяся после войны, вступила в полосу очередного кризиса. Как всегда, в наиболее острой форме он проявлялся в слабых звеньях советского устройства, прежде всего, в сельском хозяйстве и социальной сфере, за счет которых проводилась индустриализация, ориентированная на тяжелую промышленность. Производство зерна на душу населения в 1952 г. было меньше, чем в 1913 г. Особенно сильно отставало животноводство. Очевидный продовольственный кризис и массовое недовольство заставили уже при Сталине обсуждать изменения в аграрной политике. В индустриальной сфере наблюдались явления характерные для скачка первой пятилетки, завершившегося, как известно, системным срывом. Пятая пятилетка вновь отличалась непомерным наращиванием капитальных вложений и связанным с этим ростом незавершенного строительства и инвестиционным кризисом. Огромные вложения в гиперпроекты и не подкрепленные ресурсами планы масштабного наращивания вооружений составляли вершину айсберга. В значительной мере эта внутренняя стратегия определялась внешнеполитическими ориентирами Сталина на эскалацию холодной войны, что особенно очевидно проявлялось в его отрицательном отношении к перемирию в Корее.

Пропуская многие другие признаки социально-экономического кризиса, нужно упомянуть о факторе Гулага. Продолжение масштабной карательной политики и соответствующий рост лагерной системы становились все более тяжелым бременем. В лагерях тюрьма и колониях, в спецсылке к началу 1953 г. находились 5,5 млн человек. Это составляло огромную цифру в 3% от населения страны и еще большую от взрослого населения. Руководство МВД по ведомственным каналам ставило вопрос о необходимости существенных сокращений Гулага.

Для высшего руководства страны принципиальное значение имел нараставший кризис доверия между Сталиным и его соратниками («Ленинградское дело», опала Молотова и Микояна и т.д.). Он заставлял вспомнить о предвоенных чистках и опасности единоличной диктатуры как модели политического устройства. После смерти Сталина произошло «самоосвобождение» его соратников, в результате чего в стране было восстановлено коллективное руководство.

Судя по известным пока документам, проблема реформ как комплексного явления или даже проблема основного звена этих реформ не ставилась. Речь шла об отдельных решениях по отдельным вопросам. Причем в условиях политического соперничества и относительной неустойчивости многие из этих инициатив маскировались под ведомственные или региональные. Для будущего советской системы, видимо, наибольшее значение имели хорошо известные реформы высших эшелонов власти и карательной системы. Гораздо меньше, а в ряде случаев почти ничего, мы не знаем о других потенциально значимых инициативах. Неясно, например, как далеко могли пойти

сторонники поощрения личных крестьянских хозяйств и передвижения приоритетов из тяжелой в легкую промышленность в индустриальной сфере. Непонятны очертания реформ аппарата власти и управления в части нового разделения сфер ответственности и влияния между государственной и партийной вертикалями. Могла ли возникнуть однопартийная непартийная система, основанная на власти сильного правительства?

Как оценивать на этом фоне вариант десталинизации, складывающийся под сильным воздействием Хрущева (условно назовем его хрущевским), вариант, политически утвержденный XX съездом.

По многим параметрам его можно назвать консервативным. Конечно, наиболее радикально выглядит часть этого курса, связанного с разоблачением так называемого «культа личности Сталина». Однако и эта достаточно неуклюжая попытка подменить суть системы персональной сутью лидера в свете новых документов не выглядит радикальной. Достаточно сравнить материалы комиссии Поспелова и доклад Хрущева. Хрущев проигнорировал общие цифры массовых репрессий, приведенные в документах комиссии Поспелова, ограничившись примером уничтожения делегатов XVII съезда партии. Он свел трагедию террора к трагедии партии, обошел вопрос о коллективизации и раскулачивания и т.д.

Еще более показательными были решения XX съезда по отчетному докладу ЦК и шестому пятилетнему плану. Были отброшены первоначальные колебания по поводу разделения партийно-государственной власти и утверждено единоначалие партийного аппарата, подкрепленное вскоре расформированием министерств и созданием совнархозов. Политические приоритеты коллективизации полностью возобладали в аграрной политике. Сам Хрущев был ярким противником индивидуальных крестьянских хозяйств и предпочитал распространять колхозно-совхозную систему на целину, чем менять что-либо в коренных основах самого аграрного сектора. Видимо, именно тогда был упущен последний шанс для экономических реформ неонэповского типа, реализованных в Китае после смерти Мао Цзедуна.

Индустриальная программа XX съезда также следовала в прежнем фарватере. Новый пятилетний план очередной раз ориентировался на слишком быстрые и невыполнимые темпы промышленного роста, причем в традиционных индустриальных пропорциях. Список приоритетов, невзирая на новые тенденции технического прогресса, возглавляло производство чугуна. Очевидные проблемы экономических стимулов и хозяйственного механизма традиционно не затрагивались.

Все эти вопросы комплексной трансформации советской системы, а не только ее политической и идеологической составляющих, требуют дальнейшего изучения с привлечением новых документов.